

18+

Глеб Спицын

КОГДА ДЕРЕВЬЯ БЫЛИ МОЛОДЫМИ

Глеб Спицын

Когда деревья были молодыми

«Издательские решения»

Спицын Г.

Когда деревья были молодыми / Г. Спицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609383-6

Иван подумал, что сходит с ума. Но нет; погружаясь всё глубже в дебри своего сознания, он осознал причину безразличия к окружающему. Ведь настоящим он был только там, на той стороне. Жил настоящей жизнью. И что же произойдёт весной? Охотник улыбнулся. Он отправится обратно, туда, где судьба свела воедино человека и стража леса, он найдёт портал и навсегда растворится в песках времени. Там встретит друга-лешего и проживёт остаток жизни, путешествуя вместе с ним по чертогам давно прошедших времён.

ISBN 978-5-00-609383-6

© Спицын Г.
© Издательские решения

Содержание

Когда деревья были молодыми	6
Глава первая.	6
Глава вторая.	10
Глава третья.	14
Глава четвёртая.	21
Глава пятая.	27
Глава шестая.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Когда деревья были молодыми

Глеб Спицын

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Наталья Карамышева

© Глеб Спицын, 2023

© Наталья Карамышева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-9383-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда деревья были молодыми

Глава первая.

Встреча

Мелкий осенний дождь, больше похожий на водяную пыль, чуть слышно накрапывал по траве и лопухам, вымахавшим за лето в рост человека.

При свете дня его можно было бы увидеть белой пеленой на фоне хмурого леса. Но сейчас была ночь.

Дождь был таким мелким, что его не было слышно. Он был приглушён тихим шелестом ветра, вяло шевелившего пожухлой листвой, и журчанием верхового ручья. Он был осязаем только наощупь, когда смочит руки или лицо.

Водяной морок, скользя вниз по хвойным лапам, собирался в капли, дрожавшие на ветру. Наливаясь влагой, они полнеют, их становится больше, готовых пролиться от любого прикосновения уже настоящим дождём. Порыв ветра, легонько коснувшись, стряхивает их, рассыпая барабанной дробью по траве и облетевшим листьям.

Присмотревшись сквозь царивший вокруг мрак, можно было увидеть зарево костра. Пляшущие красные тени на стволах деревьев, окружавших небольшую лесную поляну. Участок земли, свободный от растительности, достаточный для ночлега лесного бродяги.

Его дым рваными хлопьями стелился по земле, медленно переползая через замшелые, трухлявые пни, исчезая в густом еловом мелколесье, окружённом зарослями крапивы и кипрея.

Напротив чадившего костра, под навесом, накрытым ветками и плёнкой, на ложе из лапника спал человек, охотник, завернувшись в выцветший армейский плащ, натянув капюшон до подбородка. Спрятав озябшие ладони в рукавах. Устав от дневного перехода, разморённый горячим ужином. Заряженное ружьё лежало рядом, вдоль тела.

Спал на одном дыхании, погружившись в бездну тревожного сна без сновидений. Точнее, они стремительно проносились в его сознании обрывками событий, когда-то произошедших с ним, накладываясь одно на другое.

Поэтому картина увиденного походила на палитру красок, небрежно смешанных друг с другом в какой-то посудине, но не полностью и оттого походивших на пёструю колышущуюся жижу без цвета и оттенка.

Спал тревожно, прислушиваясь к тому, что происходило в ночном лесу. Чутьё охотника безошибочно отличало шуршание мыши, юрко снующей в пожухлой листве, от треска веток, с которым загулявший к осени лось ломился сквозь непроглядную чащу в поисках жены и соперников.

И это же чувство, словно предупреждая об опасности, было готово в любой момент вернуть охотника в действительность.

Это как любое лесное существо: оно чутко к происходящему вокруг и днём и ночью, зазеваешься – и ты уже чья-то добыча.

Так и с человеком: оно внезапно, без видимых причин всколыхнёт душу, заставив замереть на месте, обшаривая цепким взглядом всё вокруг, прислушиваясь и принимаясь, поможет избежать случайной, никому не нужной встречи.

На ели, росшей рядом, под густой шапкой лапника висел рюкзак. В ямке между корней, присыпанных хвоей, стоял прикрытый крышкой котелок с недоеденным ужином.

В лесу было тихо.

Лишь потрескивание головней в костре да слабые порывы ветра, сбивающего капли дождя с деревьев, нарушали тишину ночи. Ничего не предвещало опасности.

За деревом, на границе света и тени, стояло существо, внимательно наблюдающее за человеком. Его зрачки, по-волчьи зелёные, начинали сверкать красным огнём в отблесках ярко вспыхивающего пламени.

Ростом оно было с крупную собаку, сидящую на задних лапах. Рука, лежащая на стволе дерева, из-за которого оно выглядывало, была похожа на руку человека, только очень неопрятную, с толстыми короткими пальцами, опухшими от воспаления в суставах. Она заросла серой густой шерстью до самого запястья, на котором багровел рубец свежей царапины.

Существо, переминаясь, робко шагнуло в круг света, затем, будто опасаясь уже принятого решения, шарахнулось обратно, скрывшись в темноте. Потом показалось вновь, замерев на мгновение, и прыжком бросилось вперёд.

Человек, внезапно разбуженный звуком покотившегося по земле котелка, проснулся. Привстав на локте и откинув капюшон с лица, он подбросил охапку хвороста в затухающий костёр.

Ярко вспыхнув, стреляя головёшками и разбрасывая в стороны искры, пламя осветило округу мерцающим красным светом, прыгая причудливыми бурными тенями по прибитой к земле траве и лапам елей, уснувших до утра в тревожном сне. Щурясь, человек смотрел мутным, спросонья невидящим взглядом туда, откуда доносились звуки.

Кто-то небольшого роста – существо, похожее на человека, – рылся в его рюкзаке, невзначай подопнув котелок. «Что за наваждение? Наверно, я сплю, и мне это снится», – потрянув головой, подумал он. Существо, нырнув с головой в рюкзак, увлечённо в нём шуршало, не обращая никакого внимания на свет костра и движение охотника. Затем, издав звуки, похожие на глухое довольное рычание или бормотание, начало что-то грызть. «Это же мой хлеб», – подумал охотник.

Окончательно проснувшись и понимая, что это не сон, он ошалело смотрел на происходящее, не в силах пошевелиться. Липкий холодный страх сковал тело, лишив возможности двигаться. Руки и ноги, обвисшие плетью, были словно чужими. Крик ужаса, застрявший в горле, сорвался с приоткрытого рта сиплым хрипом. Сердце гулко билось о рёбра, пытаясь вырваться. Ему казалось, что ещё чуть-чуть, и оно с треском разорвёт грудную клетку и в панике убежит куда глаза глядят. В глазах потемнело. Хватая ртом воздух, он повалился на спину, подставляя лицо под капли дождя, срывающиеся с кончиков веток, дрожавших на ветру.

Глядя на сизый дым костра, который, завившись в кудряшки, медленно уплывал в темноту леса, человек, обуздав страх, взял себя в руки.

Он медленно приподнял голову. Ровно настолько, чтобы ещё раз посмотреть туда: может, всё-таки померещилось? Нет, не померещилось.

Нашулав рукой ружьё, он приподнялся на локте, направив его на незваного гостя, копошившегося в тени размашистой ели.

Присмотревшись, он понял, что тот стоит к нему спиной, с хрустом грызя горбушку хлеба и громко чавкая. Затем, словно почувствовав на себе взгляд, напрягся, резко прекратив жевать. Медленно повернув голову к костру, заговорил: «Ваня, ты убери ружьё, ещё, неровен час, пальнёшь с перепугу». Голос у него был скрипучий, с надрывом, как у амбарной двери, что качается туда-сюда на ржавой петле, подчиняясь воле ветра.

Было видно, что речь ему давалась с трудом, как после долгого перерыва.

Округлив глаза, Иван сел, положив ружьё на колени. По спине снова пробежал озноб страха, а волосы под шапкой зашевелились.

– Да кто же ты? – только и смог вымолвить он.

Существо сидело напротив, изучающе глядя на человека умными, совсем не злыми глазами. «Странно, – подумал Иван, – оно только что было там, под ёлкой, а я ведь ещё и моргнуть не успел. И откуда знает моё имя?»

– Ничего странного тут нет, и я не оно, а он, – вслух отвечая на мысли Ивана, проговорил то ли зверь, то ли человек.

Вид у него был чудной. Копна давно немых кудрявых волос с застрявшими в ней хвоинками и прочим лесным мусором. Густые, с проседью брови над глубоко посаженными глазами. На лбу, между бровей, залегла морщина. Лицо покрывала всклокоченная, торчащая во все стороны борода с застрявшими в ней хлебными крошками, выпавшими изо рта.

Гость был одет в майку. Иван потряс головой – точно майка, ему не показалось. Старая выцветшая майка, у которой одна лямка на плече была завязана на узел.

Гость улыбался или думал, что улыбается, скорчив гримасу и оскалив клыки, пряча в ладонях обгрызенную корку хлеба. «А зубы у него что надо – ровные, белоснежные, что никак не соответствует внешнему виду пришельца», – подумал Иван.

– Не жалуемся, – снова ответом на незадаанный вопрос сообщил гость.

«А ведь я ничего не произнёс вслух», – подумал он.

– Тьфу ты, нечистая сила! – уже вслух выругался охотник, невольно подавшись назад.

Только сейчас, внимательно разглядывая гостя, он понял, что в нём напоминало зверя, – нет, не рост. Уши – да ведь они заячьи, натурально заячьи, а ноги – у него их нет, то есть нет человеческих. Там были заячьи лапы, и всё тело, кроме лица, покрывала густая серая шерсть. А майка, очевидно, нужна была для фасона – мол, звери одежды не носят.

Улыбка-гримаса тут же слетела с лица пришельца. Глаза злобно сверкнули красными огоньками. Взъерошив шерсть, он внезапно оказался на расстоянии вытянутой руки от сидящего у костра Ивана, заглядывая ему в глаза. «Как это у него получилось?» – только и успел подумать охотник.

– Это я нечистая сила? Это ты меня так назвал? Мы самая что ни на есть чистая сила! – кричал он, брызжа слюной охотнику в лицо. – Мы были с самого начала, и всё было хорошо, пока не появились вы, люди; вы всё изменили, – уже спокойнее прорычал он. – Это вы нечистая сила: до чего ни дотронетесь, всё испортите. А мы, хранители, оберегаем от вас всё, что есть вокруг. – Он развёл руки в стороны и обвёл взглядом невидимый горизонт. – И ещё вас от вас же самих оберегаем, – уже совсем успокоившись, миролюбиво, будто извиняясь за внезапную вспышку гнева, проговорил он.

Можно было бы сказать, что мысли в голове Ивана рождались с невероятной скоростью, а можно было бы сказать, что их там нет совсем. И то и другое было верно.

Боясь вслух озвучить то, до чего сумел додуматься, он шёпотом проговорил:

– Вы леший?

– Определённо, – ответил гость, только не словами, а мысленно, в голове у охотника. – да, я леший.

Продолжая мысленный диалог, Иван спросил:

– Вы сказали «мы», значит, вы не один?

– Да, нас много, есть и другие; мы разные, – прозвучал ответ в голове.

– Умеет мысленно общаться, знает моё имя, зачем-то явился мне. Действительно, зачем он мне явился и как его зовут? – подумал человек.

– Не слишком ли много вопросов сразу? – уже вслух ответил леший. Удобно усевшись у костра, он скомандовал: – Подбрось-ка дровишек, зябко стало.

Иван послушно выполнил просьбу. И лишь после того, как догрыз корку, гость заговорил:

– Как вкусно, давно хлебца не ел.

Подумав, продолжил:

– Не принято, Ваня, у нас раскрывать своё имя, то, что тебе дали при рождении.

– А как же вы общаетесь, как обращаетесь, друг к другу? – не унимался охотник.

– Так же, как к тебе только что: мысленно, – ответил гость, подставляя ладони к жару костра. – Давай перейдём на ты, хорошо? – Леший, повернув голову к охотнику, сверкнул глазами и после небольшой паузы добавил: – Зови меня Леш, ладно?

Иван кивнул.

– Как же ты меня напугал, чуть сердце не выпрыгнуло со страху. Разве нельзя было по-другому познакомиться? – спросил он, шевеля палкой головни в костре, отчего сноп искр, окутанных дымом, взвился к небу. Леший, прыснув смехом, тут же взял себя в руки.

– Да не хотел я тебя пугать. Запах хлеба затуманил разум, вот я и подумал: угошусь маленько, пока спишь, а потом, когда сам проснёшься, представлюсь. Да видишь, как вышло: пока стаскивал рюкзак с ёлки, невзначай опрокинул котелок. А дальше ты сам всё видел, – и добавил, извиняясь: – Ты уж прости, но очень хлебушка захотелось.

Глава вторая. Тайные знания

– Леш, а зачем ты пожаловал, зачем я тебе понадобился, ведь не просто так поболтать? – спросил Иван, вытянувшись полужёжа у костра.

– Верно говоришь, не просто так меня к тебе послали, по делу, – уже серьёзно ответил гость.

– И какое может быть дело у вас к обычному человеку? – спросил Иван. – С вашим-то колдовством. Мысли читать умеете, перемещаетесь так быстро, что я и моргнуть не успеваю.

– Левитировать, – поправил его Леш. – Ещё умеем быть невидимыми и проходить сквозь время.

Охотник недоверчиво округлил глаза, буравя взглядом гостя, только и смог подумать: «Но как, как такое возможно, где вы этому научились?»

– И зачем вам я? – уже вслух закончил он.

Леший задумчиво смотрел на пламя костра, подставляя к огню изрезанные грязными морщинами ладони, будто не слыша вопроса или специально выдерживая паузу для важности. Затем громко чихнул и, смачно высморкавшись, обтерев пальцы об траву, слезливо шурясь от налетевшего с порывом ветра едкого дыма, заговорил:

– Так-то это так, да уж больно дело особенное. Мне одному им не помочь – не могу я им являться. Даже если бы и явился, всё равно не помочь, только ещё хуже будет. А ты единственный из людей оказался рядом, вот к тебе и решили обратиться. Искать или ждать, что кто ещё сюда забредет, не стали – опоздаем с помощью.

– Значит, меня выбрали случайно? – спросил Иван.

– Не совсем так. Мы просмотрели тебя, – глядя в изумлённые глаза охотника, ответил Леший. – Ну, что ты за человек, как живёшь, что умеешь – вон в лес ходишь, не боишься. Хотя, не скрою, случай всё-таки присутствовал. Ведь ты не хотел идти на охоту, думал съездить к сестре. Потом внезапно поменял решение, быстро собрался, будто кто-то подтолкнул. – Леший, обернувшись к нему, улыбнулся, сверкнув пламенем костра в уголках звериных глаз.

– И это твоя работа? Это ты меня отправил в лес, но как? – распаляясь, прорычал Иван. – И как вы обо мне всё узнали, и что у меня есть сестра?

Гость, потупив взор, смиренно ответил:

– Пришлось в прошлое заглянуть, а то как бы мы узнали, что ты нам подходишь? – Боязливо отодвигаясь от Ивана в сторону, Леший оправдывался: – Вообще-то, мы так не делаем, ну или почти не делаем. Разве когда пугаем кого, чтобы выгнать из леса или вразумить. Бывает, сначала глянешь в душу, что да как, а после обернёшься видением из его страхов, ну чтобы наверняка, а просто так – ни-ни, да и нельзя нам открываться без веской нужды.

– А разве их ты не можешь выгнать? И с какой стати им помогать, что за забота? Вот телефон, – Иван вытащил из кармана трубку, протягивая её гостю, затем, сообразив, добавил: – Ты же не умеешь. Давай я в МЧС позвоню, они мигом помогут.

Леший покачал головой:

– Не помогут, да и это, – он указал взглядом на зажатую в руке Ивана трубку, – там не работает. Я же тебе уже объяснял, что без помощи мне не обойтись. А помочь им надо: случайно попали они туда, где им не положено быть. И не заслужили, чтобы вот так сгинуть. Ну как, ты со мной?

Иван, нахохлившись, обиженно сопел, пытаясь создать в голове хоть сколько-то рациональную цепь мыслей из всего услышанного. Затем нехотя ответил:

– Согласен, только обещаю мне...

Договорить он не успел – Леший уже энергично тряс его руку.

– Клянусь, больше не буду читать твои мысли, обещаю, – заглядывая в глаза, заверил он. – Если сам не попросишь.

– Тогда расскажи хоть, кому помогать-то будем и что с ними случилось, – заинтригованный предстоящим приключением, миролюбиво попросил охотник.

– Это две очаровательные особы, две сестры, – пододвинувшись к Ивану, начал увлечённо рассказывать Леш, подбрасывая дрова в костёр. – Решили сходить за грибами, да только вот забрели не туда; в общем, заблудились. А тут ещё напасть случилась. Одна из них, та, что местная, приболела. То ли воды попила болотной, то ли съела чего, не знаю; в общем, отравилась. Там на месте разберёмся. А вторая приехала погостить к сестре. И без помощи обратной дороги им не найти, да ещё прежде подлечить надо старшую, а то вдруг помрёт.

– И как мы их будем лечить? Я бульдозерист, а не доктор.

– Это, Вань, раньше времени в думу не бери, то моя забота.

– Леш, а где это? Что-то я не припомню поблизости болота.

– Это недалеко, и болото там знаешь какое? Во! – развёл он руками. – Впрочем, скоро сам увидишь.

– Расскажи мне о себе, о твоём народе, что можно рассказать, что дозволено. Ведь мы с тобой партнёры. И потом, ты-то обо мне всё узнал без моего согласия.

– Слушай, теперь можно, – сразу став серьёзным и как-то резко постаревшим, ответил Леший. – Ты, наверно, слышал легенды о чудском народе? Чудь белоглазая, слышал?

Иван утвердительно кивнул, пожирая взглядом диковинного собеседника.

– Это ты, вы, это твой народ? – только и смог он выпалить на одном дыхании. – Это всё правда, все эти легенды?

– Эти легенды для вас придуманы, чтобы вы нас больше не искали. Чтобы истина стёрлась из памяти поколений. Ведь когда-то мы дали вам знания, думая, что ваш народ обретёт с их помощью гармонию с миром, этим миром. – Он обвёл вокруг разведёнными в стороны руками.

– Ты говоришь о колдовстве? – не выдержав, перебил его Иван.

Нахмурившись, Леший зыркнул из-под бровей, осуждая парня за поспешность и неумение дослушать.

– Прости, – скороговоркой затараторил охотник, – я больше не буду перебивать.

Кивнув, удовлетворившись ответом, гость продолжил:

– Нет никакого колдовства и никогда не было.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Как объяснить сидевшему рядом человеку то, что не требует никакого объяснения, что и так понятно?

Подбирая слова, он продолжил:

– Прислушайся к себе, почувствуй взаимосвязь с природой, окружающей тебя. Постарайся уяснить, что ты не самостоятельная величина в этом мире, а её часть.

Посмотри вокруг. Даже сейчас вы, люди, не в состоянии объяснить то, что окружает вас. Вот облака; подчиняясь силе ветра, они скользят по небу. Затем собираются в огромные дождевые тучи и летят дальше, неся для кого-то избавление от палящего зноя и голода, а кому-то – ужас урагана.

Это одни и те же облака, но кто-то возносит им хвалу, поднимая руки к небу, а кто-то проклинает. Но ни те ни другие не в состоянии поменять их сущность, их предназначение.

Шелест листвы, пение птиц, запах цветов. Пробуждение любви с приходом весны. Трепет нежных чувств, что кружат голову той порой, заставляя сердце биться чаще. Инстинкт продолжения рода. Увядание жизни, старость и, как итог, смерть. Ведь это всё не подвергается сомнению, а воспринимается как есть.

Он глубоко вздохнул, сочувственно посмотрев на Ивана – мол, зачем я тебе всё это объясняю, – и, тряхнув головой, продолжил:

– Вся эта связь между всем живым на земле и с самой землёй – это и есть знание. Его видимая часть.

А ещё есть сокрытая от взгляда. Она самая важная. В ней не найти рационального зерна. Её надо принять как есть и использовать.

В этом великое искусство сосуществования. Лишь это знание даст настоящую свободу, а не ту иллюзию, которой вы её заменили.

Ведь ещё немного времени, и вам нечем станет дышать, нечего будет есть, не будет чистой воды. А машины, которые вы создали, чтобы получить свободу перемещения, замрут навсегда, захламляя планету. Разве к этому вы стремитесь?

Вы, люди, так устроены, что всё непонятное, то, что вы не в состоянии объяснить, вас пугает и становится объектом поклонения. Вот, например, появившись ты лет так тысячу назад на своём бульдозере, с ружьём да с этой штуковинкой, – он указал взглядом на телефон, – в каком-нибудь тамошнем селении – что произойдёт? Правильно, если тебя сразу не убьют с перепугу, то ты непременно станешь самым могущественным колдуном. Правда, ненадолго – потом всё равно убьют или отравят, когда сообразят, что к чему, – ответил он, пожав плечами.

– Понимаешь, – Леший посмотрел долгим пронзительным взглядом в глаза Ивана, – только в одном вы преуспели так, что не угнаться, – в убивании друг друга.

– Понимаю, – тот опустил голову, не выдержав звериного взгляда, в котором читались мудрость и родительская любовь, а также что-то неведомое, пугающее. Словно звёзды в колодце, в омуте его глаз мерцали искорки ярости, готовые в любой момент вспыхнуть всё поглощающим пожаром.

– И дело даже не в вашей любознательности и тяге к приключениям, вовсе нет. Жажда власти, корысть, ложь, предательство – эти бесы пожирают вас изнутри, уничтожая те добродетели, что были дарованы вам с самого начала.

Не смогли вы достойно выдержать груз знаний, что вам дали.

Поэтому мы всё, что было возможно, забрали обратно, стерев в памяти поколений союз чуди и человека, заменив его легендами и сказаниями, продолжая незаметно наблюдать за вами, ведь эта планета – и наш дом.

Но, надо отдать должное, кое-что мы всё-таки пропустили. Вон вы чего научились делать – придумали машины, безделушки, оружие. Всё, чтобы быстрее себя уничтожить.

– А разве ваша наука другой была? – спросил Иван. – Ну, та, которой вы когда-то поделились.

Леший медленно покачал головой:

– Да. Если ладони, протянутые к вам, не пусты, а в них лежат дары, то их нужно с благодарностью принять.

Ведь неважно, как мы перемещаемся, неважно, как общаемся.

Важно другое: вы не смогли принять эту мудрость и использовать её.

Вы не чувствуете связи с миром, не ощущаете его силу и, следовательно, не можете её применить.

Вы не расцеловали протянутых ладоней в благодарность, вы вырвали их, думая, что если столько всего было даровано, то сколько ещё можно урвать, скрытого от взора, силой и обманом. Не осознавали, что терзаете тело матери. – Он обвёл взглядом окружающую костёр темноту. – Не понимаешь? – гость укоризненно посмотрел на человека, покачивая головой. – Зачем создана машина, на которой ты работаешь? – И, сам отвечая на свои же вопросы, продолжил: – Чтобы рыть землю. А зачем её рыть? Чтобы выкопать руду, переплавить её в железо и сделать другую машину. Для перемещения в пространстве. Вскрыть вены земли, чтобы насытить свои машины её кровью, иначе они не поедут. Затем отравлять воздух дымом от крови сгоревшей в жерле машины. Для этого.

Иван кивнул, нехотя согласившись.

– Так ничего не надо было рыть, ничего не надо корёжить. Мы же перемещаемся без этих машин и общаемся между собой без телефонов. Теперь ты понимаешь, от каких знаний вы отказались? Вы позабыли, в чьих муках были рождены, мать свою позабыли.

Вам и этого мало, теперь вы терзаете её тело и душу, уничтожая друг друга. Зачем вам столько оружия? Кто вам угрожает? Никто, вы сами себе и угрожаете. А мы, как можем, пытаемся уберечь вас от безумства.

Теперь ты всё понял, всё осознал? – Леший утомлённо опустил голову на грудь, ссутулив плечи.

Иван пришибленно смотрел на него, опустошённый откровением гостя, терзаемый стыдом за все поколения пращуров, невольно осознав ту степень вероломства, что люди допустили к матери природе.

И, словно пытаясь хоть как-то искупить вину, а может сменить тему разговора, теперь уже и ему ненавистную, проговорил, задав вопрос и ответив на него:

– Леш, ведь мы им поможем? Непременно поможем.

Леший молча подбросил дров в костёр, затем, повернувшись, проговорил:

– Давай спать: полночи уже пролетело, а завтра много дел. – И, не дожидаясь ответа, повалился набок, свернувшись клубком.

Через мгновение в тишине ночи зазвучал лёгкий храпоток, переходивший в глубокое грудное дыхание.

Иван ещё долго ворочался на ароматном ложе из пихтового лапника, размышляя о том, что ему поведал ночной гость.

Ведь подумать только: ещё вчера он был обычным человеком, замкнутым в коробочку из надоевших забот пусть не совсем постылой, но всё же не очень интересной жизни, разбавленной чередой случайных событий, о которых и вспомнить нечего.

Разве что Машку, теперь уже бывшую жену.

Он до сих пор не понял, почему всё так получилось, почему они не смогли удержать друг друга, а может и не хотел понять, но теперь что об этом гадать.

Да сестрёнку Надежду, которую он любил и продолжает любить больше всего на свете. Именно сестрёнка, молоденькая девушка, проявив характер, не дала отправить брата в детский дом, когда родители погибли. Сама принялась растить и воспитывать.

О папе и маме у Ивана сохранились лишь мутные воспоминания да альбом с фотокарточками. Пожалуй, и всё.

Две эти женщины – это самые дорогие люди в его жизни. А ведь он прожил уже тридцать лет.

Слеза скатилась по его щеке – то ли от дыма, исподтишка лизнувшего охотника в лицо своим едким языком, то ли от чувства благодарности к бывшей и сестрёнке, то ли от жалости к себе.

Ещё вчера он считал байки о нечистой силе небылицами, соглашаясь с теми, кто напоминал рассказчикам, что надо меньше пить и непременно плотно закусывать.

Как же сильно изменилась его жизнь за какие-то несколько часов, проведённых в компании лешего! А ведь он и с места не сходил, ничего не делал. Только внимательно слушал.

Нет, он твёрдо решил, что больше своего шанса не упустит, до конца пойдёт за попутчиком, внезапно ворвавшимся в его жизнь, доверившись ему. Хотя в душе сомневался в своём выборе, понимая, что гость ему договаривает не всё – может, раньше времени пугать не хочет? Как знать.

Лёжа на спине, подсунув руки под голову, охотник засыпал, зная, что к прошлой жизни возврата больше не будет. Как, может, не будет и самой жизни; плевать.

Глава третья. Переход

Грубый толчок в плечо разбудил охотника. Витая в грёзах сновидений, он не сразу сообразил, где находится и кто на него смотрит.

– Вставай, пора в путь, – сосредоточенно глядя в глаза Ивану, проговорил Леший. – Не передумал?

– Нет, – ответил охотник с вызовом, не отводя взгляда, – не передумал.

Одобрительная ухмылка на мгновение скривила лицо гостя гримасой, обозначив в уголках глаз паутинку мелких морщин.

– Молодец. Тогда быстро завтракай, и в путь. А я пока наставление тебе скажу, что сейчас вспомню.

– А как же ты? Разве ты не будешь со мной завтракать?

– Нет, я вчера хлебца поел, хватит.

От взгляда Ивана не ускользнуло, что Леш стал каким-то встревоженным и собранным. Что-то беспокоило его.

Водрузив котелок поверх углей, Иван разогрел вчерашний суп из рябчика с почти вытекшим бульоном, прикусывая с варевом солидный кусок хлеба. Не объел его гость вчера – хлеба как будто и не убыло.

Затем, сбегав до ручья, водрузил котелок над костром. Собрав в кучку тлеющие с ночи угли и подбросив сверху хвороста, он раздул костёр. Языки пламени быстро подхватили дрова, стреляя искрами по сторонам. И вот уже над котелком за клубился пар от кипящей воды.

– Ты знаешь утёс на ручье, вы его Сосновым называете? Нам туда.

Иван кивнул:

– Знаю.

– Чуть поодаль, слева подходит глубокий лог, там ещё останцы торчат из земли,

– И лог знаю. Они там?

Леш покачал головой:

– С того места мы начнём путь. Поторапливайся, скоро рассветёт, да на сахар не налегай – он там пригодится, – и не обратил никакого внимания на вопросительный взгляд Ивана.

Быстро попив чаю, охотник собрал рюкзак.

– И воды не забудь набрать, я видел у тебя вчера флягу, – вспомнив, проговорил Леш.

Вечерний водяной морок сменился в предрассветной мгле густым молочным туманом. Его сырость быстро пропитала одежду охотника. Непроизвольно поёжившись, он посмотрел вниз. Рядом, нелепо подпрыгивая и переваливаясь с бока на бок, семенил леший. Капли утренней росы смешно тряслись на его ушах и кудрявой шевелюре, опадая в такт движению на пожухлую траву. Иван закашлялся, пытаясь сдержать смешок, такой неуместный сейчас.

Попутчики шли молча, всё дальше уходя от того места, где чужая беда свела человека и лешего. И уже совсем скоро дым костра перестал долетать до них, плотно увязнув в белых хлопьях водяной пыли.

Иван, занятый своими мыслями, машинально отслеживал правильность выбранного пути, всецело полагаясь на свою память и интуицию.

С рассветом туман только усилился, а видимость стала почти нулевой. По правую руку еле слышно журчал ручей. Его долина глубоким распадком петляла среди холмов, заросших хвойным лесом. Лога поменьше крутыми изломами врезались в его тело, образуя труднопроходимый лабиринт из поваленных деревьев, густого кустарника и глыб известняка с окаменелой морской галькой, торчащих из земли то тут, то там.

Тропинка – нет, скорее направление, звериная тропа – петляла вдоль ручья, заросшего мелколесьем, тальником и кустами смородины с примятыми к земле тычинками травы, со сморщенными, почерневшими к осени головками.

В низинах лоси, шаставшие по логу, в жижу сбили путик остроносыми копытами, превратив его в непролазное месиво.

Идти стало труднее. На ощупь пробираясь вперёд, с громким чавканьем извлекая сапоги из раскисшей грязи с тем, чтобы в следующем шаге увязнуть вновь, взмыленный охотник наконец-то вывалился на небольшой намыв, укрытый облетевшим листом. И уже ничьи следы были неразличимы на его галечном горбу.

Густой туман, смешавшись с предрассветной мглой, сбивал Ивана с толку. Видимость в пару метров искажала восприятие. Вроде и местность знакомая, и тропа та, но было вокруг что-то чужое, тревожившее душу.

Он нехотя отвлёкся от мыслей, кипучим варевом клекотавших в его голове. И если бы кто-то спросил его в тот момент: «О чём думаешь, парень, чем озабочен?», Иван рассеянно пожал бы плечами: «О чём думаю? Обо всём и ни о чём».

Варево бурлило, лопалось пузырями, шипело, переливаясь через край, но чего-то в нём не хватало, чего-то очень важного, ингредиента, без которого не складывалась картинка.

Это как в инструкции по применению: есть начало и конец, много пустой, никому не нужной информации, а самое важное отсутствует – из середины вырваны листы.

Охотник резко затормозил. В полумраке эфиром колыхалось видение. За кривой ольхой с сухими ветками понизу, с шершавой, изъеденной болезнью корой прятался старик. Обхватив дерево руками, выглядывая, он зло буравил взглядом невидимых глаз. Бородёнка нервно тряслась, будто он что-то быстро бормотал, грозя охотнику костлявым кулаком. Только ничего не было слышно, лишь журчание ручья да шлепки капель воды по лопухам. Они скользили по лодочкам-листьям вниз, к земле, с окружающих деревьев и кустов.

Иван чертыхнулся, до немоты сжав ружьё в пальцах, готовый в любой момент пальнуть в сторону видения.

– Кто там? А ну, выходи!

Но никто не вышел. После секундной паузы охотник двинулся вперёд.

– Тьфу ты, – матернулся он. Лишь подойдя ближе, сумел разглядеть, что за деревом никого нет. Это хмель, вьюном обвивший ствол, всклокоченным горбом густо разросшихся листьев торчал сбоку, дрожа раскрытыми шишками, и в сумерках превратился в жуткое видение.

«Да, – подумал Иван, – нервы совсем ни к чёрту». И немудрено: уж больно много всего пугающего, доселе невиданного, навалилось на парня за последние сутки. Ему нестерпимо захотелось выпить, не много, в меру; вот тогда отлегло бы, полегчало, вернулось в душу спокойствие. Да кто же и когда меру устанавливал и соблюдал после подобных переживаний?

«Вот выполню просьбу лешего, вернусь и обязательно... – Он не успел закончить одну мысль, как помимо его воли вторглась другая: – Если вернусь, то будь что будет».

Фляжка со спиртом у него с собой была, именно небольшая фляжка, грамм на сто, да леший трогать не велел, когда охотник пытался её опорожнить в знак радушной встречи с ночным гостем. Так сказать, закрепить союз.

Леш деликатно перехватил уже было занесённую надо ртом фляжку и, потянув ноздрями аромат алкоголя, шлейфом струившийся из неё, закатив глаза, крякнул, затем бережно закрыл.

– На той стороне пригодится, – кратко, вроде даже с сожалением резюмировал он.

«Да где же спутник?» – Иван только сейчас заметил, что шагает по раскисшему путику один. Он обернулся, ища глазами лешего. Может, отстал? «Немудрено в этих зарослях, рядом шагать тяжело, да и ноги или лапы, в общем, коротковаты», – подумал он.

Впереди раздался тихий свист. «Далековато», – подумал охотник. Затем ещё раз, вроде как в стороне от ручья-путика. Иван крикнул в ответ и поспешил на зов.

Леший сидел на стволе ели, корни которой растопыренными кривыми пальцами в лохмотьях земли и мха смотрели в небо. Падая, ель своим грузным телом подломила ещё с десяток деревьев поменьше.

Да, живёшь вот так, не тужишь, радуешься каждому погожему деньку, а может, наоборот, и не замечаешь их, воспринимая как что-то само собой разумеющееся, и вдруг, откуда и не ждали, ветродуй или старость подкосили дерево. Не смогло оно дольше держаться за сырую землю. Охнув, пошатнулось и устремилось вниз, накрыв собой и переломав в щепки молодую поросль. Только и успели они выкрикнуть: «А мы-то чем виноваты? Не отгуляли, не долюбили», но закончить не успели – всё, конец.

Такова суровая правда жизни: как ни кожься и ни выкаблучивайся, от хромой с косою никому не уйти, и неважно, дерево ты, зверь или человек.

Подойдя к валежине, Иван устало плюхнулся рядом с обрётённым в чужой беде товарищем.

Леший, будто извиняясь, вымолвил:

– Мне, коротколапому, тяжело поспевать за тобой, да и эта сырость совсем доконала, – он взглядом указал на воспалённые ревматизмом пальцы, – вот я и спрямил дорогу.

Иван кивнул, давая понять, что всё нормально и на спутника он не в обиде.

– Однако пришли, – смачно сморкнувшись, сказал Леш.

– Да ведь это не то место, не дошли ещё вроде, – неуверенно проговорил парень, поведя взглядом вокруг.

– Верно, не то, а нам туда и не надо. Это я для ориентира тебе сказал, чтобы не блудить. Теперь понял? – чиркнув по охотнику диким взглядом, закончил леший. – Нам туда, – он кивком головы указал на громоздившуюся вершину ели, ещё не успевшую пожелтеть и осыпаться.

Иван, шурясь, силился разглядеть то, что скрывало под собой уснувшее навсегда дерево.

Ель завалилась в узкий короткий ложок, по форме похожий на подкову, с обрывистыми, размытыми берегами, усыпанными зализанными, спёкшимися между собой кругляшками гальки и острыми, торчащими из земли осколками известняка, похожими на кости доисторического животного, вылизанными и иссушенными до белизны временем.

Упавшее дерево как бы накрыло его своим подолом, надёжно спрятав от постороннего взгляда под лапником и хвоей.

В верхней части подковы лог заканчивался крутым яром, с которого бахромой свисали дернина и пожухлые корни. У основания он состоял из нагромождения каменных глыб, останцев, поросших мхом и бурым лишайником.

Между камней чернели расщелины и провалы, уходя темнотой в недра горы.

– А что там? – с интересом спросил охотник.

– Грот, из которого попадём в пещеру, а уж оттуда на ту сторону, – леший махнул рукой в неопределённом направлении.

– Там, наверное, темень, хоть шар выколи. – Иван зашарил рукой в рюкзаке, пытаясь нащупать фонарь.

– Хоть выколи, – согласился напарник. – Но пойдём так, вслепую.

– Убьёмся же в темноте ненароком, – запричитал Иван.

– Не волнуйся, я дорогу знаю, за руку тебя поведу. И потом, я же леший, – сказал он, намекая на то, что и без фонаря всё прекрасно видит своими звериными глазами. – Да, и когда зайдём в пещеру, ничему не удивляйся, не ори и вообще будь тих, а я уж постараюсь провести тебя так, чтобы шишек на лбу не набил да не поскользнулся, наделав шума.

И если ещё совсем недавно в нём угадывалось какое-то напряжение при общении с человеком, то сейчас он был абсолютно спокоен и собран.

Иван нутром чувствовал, как звериная душа ночного гостя и его наполняет решимостью и уверенностью, отгоняя тревоги прочь.

– Пошли, – твёрдо сказал охотник, – чего тянуть.

Крякнув, леший пружиной взвился над замшелой валежиной и уже стоял у останца.

– Однако, – в очередной раз дивился Иван, хотя пора было уже и привыкнуть к выкрутасам напарника.

Узким чёрным зевом, словно расплывшийся в кривой ухмылке беззубый рот древнего каменного идола с иссушенными временем старческими губами, на фоне посеревшей в рассветных лучах скалы обозначился вход в грот, приглашая в неведомое, таящее загадку нутро.

Леший, осторожно шагнув вперёд, нащупал в поглотившей их темноте руку Ивана, всполевшую от волнения, и, крепко сжав её, повёл охотника за собой.

Как ни хорохорился Иван, пытаясь скрыть накатившую волну робости и волнения, ладонь, вмиг ставшая предательски влажной, выдала его. Но бесшумнодвигающийся на длине вытянутой руки спутник ничем не выказывал того, что ощутил через касание ладоней охватившее напарника смятение от давившей на бельма глаз беспроглядной черноты пещеры.

Через несколько мгновений, показавшихся Ивану вечностью, они протиснулись в небольшой зал. Что зал небольшой по размерам, он понял, потому что грунтовые воды, просочившиеся сквозь трещины в скале, каплями дождя слетали с невидимого свода вниз, шлёпая по известковому наплывам на полу, кочками выросшим из него.

Обострённый слух Ивана улавливал, когда капля, налившаяся влагой, уже не в силах более удерживаться за свод, слюняво чмокнув, устремлялась вниз, а долетев и ещё раз чмокнув, разлеталась миллионом брызг, да только эха-то не было. Того эха, которое, гуляя звуковыми волнами от стен к своду и обратно, затихает где-то в нагромождении каменной осыпи, и ты осознаёшь, насколько огромен этот зал, понимая, что и там, куда не в силах пробиться луч фонаря, поглощённый сумраком пещеры, ничего не заканчивается, а воспалённая фантазия рисует скрытое от взгляда.

Здесь же ощущение грандиозности пространства отсутствовало.

Ивану казалось, что своей тяжестью каменные горы давят на него, пригибая к земле, угнетая разум. Но скоро и это закончилось.

Вот опять Иван ощутил тревогу. Что-то неясное заставило его напрячься – чувство приближающейся опасности, исходящее не от пещеры, а от чего-то другого, чего он понять не мог, но был абсолютно уверен в том, что опасность существует и она впереди.

Также он ощутил уверенность в том, что это не угроза, а предупреждение: вроде как теперь ты в курсе и не наделаешь глупостей.

«Интересно, не об этом ли рассказывал леший? А может, это разыгралась фантазия? Ладно, сейчас не время для размышлений». – Охотник взял себя в руки.

Было промозгло, сыро и холодно. И ещё было скользко. Боясь оступиться и так не вовремя растянуться, Иван помнил наказ лешего не шуметь. Он до боли сжал его руку, ища в ней защиты и опоры.

Леш замер, потянув охотника вниз, а затем медленнее подался вперёд. Иван смекнул, что спутник хочет, чтобы он пригнулся: «Наверное, это вход в другой зал».

И действительно, он это понял, как только смог распрямиться во весь рост. Уже не шлёпала по полу вода, стало значительно суше и теплее, и, как ему показалось, откуда-то потянул лёгкий сквознячок, а с ним ещё еле ощутимый, но такой прилипчивый запах тления.

Пошли быстрее. Напарник, ускорившись, потянул его за собой. В крепком хвате руки человек ощутил лёгкую, едва заметную дрожь и догадался о причине своих страхов. «Минуем самое опасное место», – он это понял как-то само собой; значит, не подвело чутьё, работает.

Именно об этом месте предупреждал ночной гость. Здесь либо – либо, по-иному не получится.

«Нет, не за себя волнуется леший, с ним-то что произойдёт в этой зловонной норе? Кто ему угроза, он сам зверь. За меня переживает», – с благодарностью подумал Иван.

Чувства, накрывшие охотника, не были плодом отчаяния и страха в надежде ухватиться за ускользающую из рук спасительную соломинку, вовсе нет. Он нутром ощущал связь между собой и лешим, эмоциональную связь, так внезапно возникшую, которая возникает у закадычных друзей, проживших бок о бок всю сознательную жизнь и не растерявших друг друга. «Чудно всё это», – только и успел подумать он.

Над головой едва слышно прощуршали покрытые мелкой шерстью перепончатые крылья, коснувшись лица волной потревоженного воздуха. Иван похолодел от неожиданности, сжавшись в тугую пружину. «Мыши», – сообразил он.

Запах смрада стал нестерпимым, он дурманил сознание, выворачивая желудок наружу. Еле себя сдерживая, Иван в полуобмороке плёлся за лешим.

Глубокий выдох или тихий грудной рык прокатился ощутимой дрожью по пещере, вернув обратно затуманенное сознание: «Мы не одни здесь». Какой-то неведомый огромный зверь был тут же, в этой пещере.

Под ногами что-то предательски хрустнуло. Леший замер, а Иван, подавшись вперёд, налетел на него, присев от неожиданности.

Припав ничком к земле, они выжидали.

Перебирая пальцами по полу пещеры, Иван понял источник хруста и нестерпимого запаха. Утоптаный глиняный пол был усеян костями. Хрустели те, которые уже успели высохнуть и обветриться. А свежие, недавно обглоданные, но уже задохнувшиеся, сочились липкой слизью смрада. Дурманом стекая с них, он наполнял собою пространство пещеры.

Ничего не произошло. Лютый зверь крепко спал, до отказа набив брюхо тухлой плотью. А опасности из глубины пещеры он не ожидал, чувствуя себя хозяином её утробы, а может быть, вообще не знал, что такое опасность, целиком полагаясь на свою свирепость и размер.

Пунцовые красные точки, вспыхивая, мерцали и гасли в глазах охотника. Темнота и нестерпимая вонь давили на грудь. Голова кружилась и раскальвалась, как с жуткого похмелья. Словно по команде, не сговариваясь, они рысью бросились вперёд, прочь из страшной пещеры.

Вывалившись наружу, зажмурившись до рези в глазах от солнечного света, они повалились на траву, жадно хватая ртом воздух, пытаясь с каждым выдохом исторгнуть из себя столь ненавистный запах. Впрочем, не сразу, а пробежав несколько десятков метров вниз по склону, в аккурат до галечной отмели ручья.

Красные точки исчезли, глаза начали видеть, привыкнув к яркому свету, а тяжёлый груз освободил грудь. Всё вроде бы наладилось; ещё бы не этот тошнотворный запах! Он пропитал одежду, руки, лицо и всё нутро.

Зайдя в ручей, насколько хватало сапог, Иван оттирал руки с песком, раз за разом смывая его кристально чистой, студёной водой ручья. И лишь убедившись, что запах с рук отмылся, низко наклонившись к воде, промыл голову и лицо. Отплёвываясь, он затряс шевелюрой, разбрызгивая в стороны капли воды, серебром искрящиеся в солнечных лучах, но внезапно замер.

Только сейчас он заметил произошедшие вокруг перемены. Охотник удивлённо крутил головой, озирая окрестности, затем, разведя руками, обернулся к спутнику, взглядом задавая вопрос, который ещё не успел сорваться с его языка. А дивиться было чему.

Первое, на что он обратил внимание, это солнце, ярко светившее в прозрачном, без единого облачка небе. И дело даже не в том, что погода разительно отличалась от той, с которой они заходили в пещеру, вовсе нет.

Солнце не цеплялось за вершины деревьев на холмах, оно было в зените. «Около полудня», – подумал Иван. Что никак не могло произойти: когда они заходили в пещеру, было раннее утро, и, по его прикидкам, в пещере они находились минут пятнадцать, ну никак не более

получаса. И если бы плотные дождевые тучи не накрыли всё вокруг своим серым мокрым подбрюшьем, солнца всё равно видно бы не было: в столь ранний час оно только поднималось за заросшими лесом холмами, лишь краем позолотив горизонт.

И часы на его руке показывали раннее утро. Значит, всё верно, он не ошибается.

Было тепло; осень только коснулась деревьев, едва их раскрасив. «И время года будто другое: самое начало сентября, не позже», – мимоходом отметил Иван.

Да и холмы вроде стали круче, и лес другой.

По низинам и в долине ручья преобладали лиственные: ивы, берёзы, шиповники и ещё какие-то незнакомые, а сами холмы покрыты соснами; не было привычных елей и пихт.

Разнотравье дурило размерами яркой, сочной зелени и буйством красок. По течению реки произрастали густые заросли осоки и другой травы, названия которой он не помнил, нависая шапками над водой.

Ближе к холмам растительность редела, уступая место белым мхам с редкими чахлыми кустиками зелени. Чего не скажешь о звуках леса: пение птиц на все возможные голоса, стрекотание кузнечиков, жужжание мух, паутов, комаров и пучеглазых стрекоз, всплески рыб – всё смешалось, пульсируя вокруг. Требовалось напряжение слуха, чтобы выделить из общей какофонии один-единственный звук – скажем, вон той серой пичуги, с белой грудкой и малахитовыми кончиками крыльев и хвоста.

Ивану казалось, что птиц здесь, на этой стороне, было больше, да и не только птиц, а вообще всякой летающей живности. Возможно, только показалось. «Как странно, – подумал он, – на этой стороне». Неокрепшая мысль, чиркнув, исчезла прочь.

Воздух, ручей, окружающий лес – всё было другим. Ручей был ближе к пещере, да и не ручей это вовсе – река, пусть неширокая, но вполне полноводная река. Оттого и ближе, что стала шире. С девственно чистой, прозрачной водой цвета бирюзы.

Охотник резко обернулся к воде, краем глаза уловив какое-то движение. На отмель рядом со струйкой, где несколько мгновений назад он тщательно, до боли оттирал руки песком, возвращалась стайка рыб приличного размера.

Это он, ничего не видящий, очумелый, запрыгнув в воду, распугал обитателей здешних перекатов, которые уступили место невиданному существу.

Дождавшись, когда он, вдоволь наплескавшись, покинет чистые воды их реки, а муть, им поднятая, рассеется, они вернулись на облюбованное место. «Да ведь это хариусы!» – едва не заорал он, но сдержал себя, выдержав чин.

И действительно, это были они. Вяло покачивая нарядно одетым спинным плавником-парусом, они рылись в осевшем иле, выскивая личинок, не обращая на Ивана никакого внимания.

А что это то самое место, где они заходили в пещеру, не вызывало сомнений.

Только вход в пещеру был выше по склону. Не было оврага, упавшей ели, вообще не было ничего, что бы скрывало вход в пещеру. А останцы? Иван не сразу их признал: они были выше, без изломов и трещин, вроде моложе.

«Это то самое место, но будто раньше. Куда, леший, ты меня завёл? Впрочем, сам согласился», – подумал он.

Шальная мысль, вынырнув из водоворота раздумий, снова чиркнула в голове, но на этот раз не унеслась прочь, а прочно там укрепилась.

– На этой стороне, верно, на этой стороне, – уже всерьёз, всё осознав, вслух закончил он мысль. Она, утвердившись в простоте истины, объяснила метаморфозы, произошедшие вокруг него и с ним.

Вопрос, висящий на языке, он задать так и не успел.

Леш, лукаво глядя на спутника, внешне был собран и даже суров. Но по искрам, мерцавших в бездонных омутках звериных глаз, угадывалось в нём хорошее расположение духа, оттого

что часть пути, пусть и не самая трудная, пройдена, а испытания, пусть и не самые тяжёлые, остались позади. А суровость была напускной, вроде как по-другому и быть не может.

– Пойдём отойдём подальше, – взглядом указав на чернеющий зев пещеры, сказал он. – Пока зверь спит, не хотелось бы с ним встретиться.

– И мне не хотелось бы, – согласился Иван, присоединившись к спутнику, бодро шагающему прочь.

Иван, поглощённый размышлениями, не сразу заметил, что напарник свернул в сторону от реки, углубившись в берёзовую рощу, переходящую к вершине холма на сосняк.

Ноги сами несли его вперёд, вслед лесному существу, забавно переваливающемуся во время ходьбы с бока на бок; впрочем, это никак не мешало ему двигаться быстро и проворно.

Впереди, укрытый густым мхом, угадывался ствол упавшего дерева. Подойдя к нему, леший взгромоздился на мягкую тёплую подстилку и, развалившись полулёжа, обратился к охотнику:

– Спрашивай.

– И далеко мы? – спросил Иван, имея в виду время.

Леший задумался. Что-то прикидывая в уме, он, загибая пальцы, тихо шептал себе под нос:

– Шесть, восемь, десять... – Затем, кивнув, сделал акцент на слове «десять». – Или около того, – утвердительно ответил Леш, театральным жестом повертев в воздухе кистью с растопыренными пальцами.

«Десять тысяч лет назад или около того? Как же далеко меня занесло!»

– Леш, но вот чего я никак не возьму в толк: как им удалось попасть сюда, как они нашли вход в пещеру и как они прошли мимо медведя? – спросил вконец потрясённый парень. Хотя за последние сутки с ним столько всего произошло, что пора перестать всему удивляться.

– Я и сам не пойму, как им это удалось. Наверное, везение, помноженное на случайность, – пожал плечами, ответил леший. – Скорей всего, медведя в пещере не было – где-то бродил, кормился.

– Если бы они с ним встретились где-то здесь, то некому было бы помогать.

– На редкость свирепая скотина, а здоровущий, – как-то обыденно сказал леший. – Взял за моду добычу тащить в пещеру. Дождётся, когда подкиснет, потом жрёт. Это хорошо, что была темень и ты ничего не видел. Бр-р-р. – Он передёрнул плечами от безразличия.

Что проход был открыт, в том наша вина; да ведь он был хорошо спрятан, ты и сам его не сразу разглядел.

Иван утвердительно кивнул в ответ:

– Верно говорит, леший, прошёл мимо и не заметил бы. Ума не приложу, зачем их понесло в пещеру.

– Может, заблудились и искали место переночевать или спасались от дождя. – Он пожал плечами. – Какое теперь это имеет значение? – подвёл он итог.

– И то правда, – согласился охотник.

– Ну что же, в путь, – тряхнув головой и хлопнув ладонями по шерстяным коленям, то ли спросил, то ли приказал леший.

– В путь. Веди, – встав с валежины, согласился человек.

Глава четвёртая. Дальние дали

Иван, изрядно вспотев от быстрой ходьбы в гору, начал уставать. Плечи, надавленные лямками рюкзака, ныли, а мышцы ног, особенно икр, стали деревянными, отказываясь подчиняться своему хозяину, частью которого они являлись. Капелька пота, соскользнув с брови, угодила прямо в глаз, вызвав жжение. Зажмурившись, охотник свободной рукой тёр зудящий глаз, размазывая текущие из него слёзы по подёрнутой свежей щетиной щеке.

– Черт, – охотник резко остановился и попятился назад.

Промаргиваясь, он не заметил, как угодил в паутину, натянутую между деревьев.

Нити паутины натянулись до звона струны и, не выдержав напряжения, лопнули одна за другой, обвиснув на лице бесформенными лохмотьями. Забыв про глаз, Иван с брезгливым остервенением срывал с лица паучью сеть.

Жирный лохматый паучище, почувствовав из засады колебания нитей, сначала было бросился вперёд в предвкушении скорого пира. Затем, свирепо вперив взгляд восьми глаз в размахивающего руками разрушителя натянутой им сети, резко передумал и через мгновение, быстро перебирая лапками, улепётывал прочь, скользнув по серебристой нити к земле.

Смачно матернувшись, обращаясь не к кому-то конкретному, а вообще, сведя воедино события, произошедшие с ними, пытаясь дать им оценку, подбирая в уме правильные слова и не находя подходящих, кроме как матерных, он не стал утомлять себя поиском красноречивых выражений, а просто матернулся, ощутив после этого прилив сил и отметив, что сразу стало как-то легче.

«И как ему удаётся так быстро идти? – имея в виду спутника, думал он. – Я уже чуть ли не бегом за ним бегу, а всё догнать не могу».

Обернувшись на Ивана, леший всё понял во взгляде охотника и, лукаво ухмыльнувшись, стал поджидать его, навалившись плечом на ствол дерева.

Рубаха на груди и спине охотника побурела от пота, а сырые волосы сосульками выбивались из-под кепки, задранной на затылок. Было не по сезону жарко; конец лета или самое начало осени – точнее определиться со временем года Иван не смог. А у лешего спрашивать как-то не хотелось. Да и какая разница, какое сегодня число, тридцать первое августа или пятое сентября.

Ещё один день здесь, а может несколько, и обратно, Иван в этом нисколько не сомневался. Вот найдём девчонок, маленько поправим здоровье, и домой.

Вчера, на той стороне, была поздняя осень, сверху укрывшая холмы плотным покрывалом беспросветных осенних дождей, мороков, а снизу – ковром прелой, подбитой первыми заморозками травы и облетевших листьев.

Пряный аромат гниющей лесной подстилки, насыщенный испарениями земли, хлопьями тумана поднимался вверх, навстречу водяной пыли, бусящей с небес на землю.

А здесь ни осень, ни лето: слегка позолотились локоны плакучих берёз – верный признак начала увядания природы.

Понял, он понял, что его смутило. Сам климат здесь был мягче, чем там, на его стороне, оттого смена времён года проходила плавно, совсем незаметно.

Внезапно налетевший ветер-озорник встряхнул пышную шевелюру деревьев, выдув из неё пёструю палитру пожухлых листьев, рассеяв их ковром у подножья, укрыв зелень травы.

Внимание Ивана привлекло что-то неестественно чернеющее на фоне этого ковра, какой-то предмет. Любопытство одолело охотника. Позабыв про усталость, он рысью ринулся туда, спеша рассмотреть находку. Леш, проследив за взглядом охотника, крикнув, отделился от дерева и поспешил вслед.

По тому, как он, переваливаясь, шагал за спутником, можно было понять, что и он порядком устал, а подъём в гору и для него не был лёгкой прогулкой. Но ничего этого Иван не заметил, всецело поглощённый неясной целью.

Подойдя настолько, что уже можно было рассмотреть предмет, охотник, опешив, остановился. Это был цветок в полной силе цветения, цветок, каких он никогда не видел, необычной красоты.

Огромный бутон его, размером не меньше чем в две ладони, чем-то походивший на анютины глазки, покоился на жидком коротком стебельке, и казалось, что тот вот-вот подломится, не выдержав его тяжести.

Иван склонился над цветком, разглядывая игру красок, в которые лёгкой рукой художника природы небрежными мазками он был раскрашен, не обращая никакого внимания на подоспевшего напарника. И как они ни спешили, леший не торопил его, давая вдоволь налюбоваться диковинкой.

Края огромных лепестков были чёрными, как непроглядная осенняя ночь, в ярких вспышках звёзд и дымки созвездий. Дальше цвет менялся, постепенно переходя из чёрного в ультрамарин, искорки звёзд блекли и исчезали совсем. Ультрамарин незаметно менялся на насыщенно голубой, цвет летнего неба.

Ивану начинало казаться, что там, в цветке, он начинает различать белобокие увальни облака, гонимые по небу горячим летним ветром. А в центре цветка – пестик, словно золотой махровый кругляш солнца.

Присмотревшись, Иван разглядел, что от солнечного диска по лепесткам расходятся вены, питающие его соком земли. Они, пульсируя, бугрились под нежной бархатной, совсем как у человека, кожицей, становясь всё тоньше, оканчиваясь капиллярами, незаметными взгляду.

Ошалелый охотник был не в силах отвести глаз, понимая, что и не цветок это вовсе, а вселенная, мир, окружающий его, и если напрячь зрение, то можно будет различить реку, от которой они недавно отошли, останцы, выглядывающие из-за вершины холма, и где-то там стоят он с лешим, человек и нечистая сила, воедино сведённые чужой бедой.

А в том, что с этого времени и до самого конца, его конца, у них на двоих одна судьба, Иван уже не сомневался.

Деликатный кашель за спиной вернул его к действительности.

– Пойдём, Вань, что ли? Нам бы до ночи холм перевалить. Вон в тех камнях ночевать будем, я там хорошее место знаю, – проговорил леший, и получилось это у него ласково, как-то по-отцовски.

Иван нехотя отвёл взгляд от цветка. Только сейчас до него дошло, что других цветов рядом не было. Не других таких же, а вообще никаких не было. Докуда хватало взгляда, из земли произрастало невысокое, скорее чахлое, разнотравье, переходившее в густые заросли папоротников, шиповника и кипрея, да островки белого мха укрывали густым ковром каменные выворотни.

Между тем леший всё дальше уходил от реки, петлявшей среди поросших лесом холмов, в сторону скал, встававших между горизонтом и лесной чащей. Ржавой, резко очерченной линией выделялись они в лучах солнца на фоне голубого, без единого облачка неба.

– Далеко идти-то? – прервав молчание путников, спросил охотник.

– Не очень, вон до тех скал, – ответил Ивану леший.

– Хорошо, – кивнул Иван в ответ.

Здрав голову вверх, он любовался окружающими пейзажами, первобытно девственными, не тронутыми «заботливой» рукой человека.

Ряды стройных сосен густыми шапками крон уходили вверх, плотно переплетаясь между собой ветвями, препятствуя лучам солнца на пути к земле.

И даже в ясный день у их подножия царил полумрак.

Если посмотреть вверх, то сочная зелень хвои на фоне голубого неба казалась чёрной, а в тех местах, где солнечному лучу удавалось пробиться сквозь переплетение веток, – ярко-зелёной, выделенной по краям золотым ореолом.

Увлёкшись созерцанием окрестностей, Иван обо что-то запнулся и растянулся во весь рост, утонув в густом ковре ягеля, так что из него торчали только непокрытая голова да рюкзак скособоченным выпцветшим горбом. Кепка при падении отлетела в сторону.

Привстав на корочки, ошалевший от падения охотник с укоризной глянул на лешего, приснувшего в бородёнку смешком, а после сам расплылся в улыбке, встав в полный рост, отряхивая кепку о колено.

– Внимательнее, Ваня, надо быть, – уже вполне серьёзно подвёл итог Леш. Хотя серьёзность была какой-то напускной – глаза его всё ещё смеялись над неловкостью спутника.

– Верно говоришь. Иду, башкой кручу по сторонам, а ведь и под ноги надо успевать смотреть, – согласился Иван.

Только теперь охотник разглядел причину своего падения: давно упавшая сосна, уже и мхом обросла, такую и немудрено не заметить. Рядом ещё одна, и ещё... Да здесь целый ураган прошёл! Сильный ветер лютовал на этих холмах, перессорив красавиц-сестёр, заставив их непорочные сердца вспылать лютой ненавистью. Не смея перечить разбойнику ветру, они, как заклятые враги, нещадно мутузили друг друга кронами, ломая ветки, клочками вырывая друг у друга хвоинки, словно волосы из головы, обильно присыпая белый ковёр мха зеленью и гроздьями шишек.

И всё живое спешило поскорей покинуть место не на шутку разгулявшейся стихии или укрыться в гротах среди камней, от страха сжавшись в комок.

А ветер не унимался, истошно завывая в кронах. И не щадили себя сёстры, свирепея под чужой волей, хлеща друг друга в кровь.

И вот уже младшая, неловко охнув, устремилась к земле с вывороченными корнями, всё круша на своём пути.

Гулко ударившись, сосна застонала, выгнулась в дугу, задрожала мелкой дрожью кончиками веток и, наконец, обмякла и затихла, проиграв эту схватку.

Лучи солнца, безучастные к разгулу стихии, сквозь образовавшиеся бреши солнечными зайчиками устремились к земле, весело прыгая среди поверженных деревьев.

Совсем скоро ветер уймётся, смола затянет рубцы, и вырастут новые ветки. Трава и мох поглотят погибшие деревья; сгнив, они дадут плодородный слой, в котором прорастут семена, дав жизнь следующему поколению сосен. И кровь деревьев, когда-то пролитая здесь, скоро впитается в землю.

– Да, – задумчиво промолвил охотник, – лишь в природе существует такая гармония: смерть одних – это жизнь для других.

– Ты всё правильно понял, Ваня. Напрасной смерти не бывает, какой бы лютой она ни была.

Здесь, умерев однажды, непременно возродишься вновь, таков закон природы, и оттого смерть не так страшна, – закончил мысль Леш. – Спешить, Ваня, надо, не то затемняем.

Иван понимал, что леший ведёт его только одному ему ведомым маршрутом, избегая ненужных встреч, ведь места здесь дикие, а зверьё ещё мало знакомо с человеком и оттого воспринимает его скорее как пищу, а не как угрозу.

Несколько раз он вскидывал ружьё, увидев дичь, которая никуда не пыталась улететь, зазевавшись; напротив, птица вообще не пыталась улетать, она внимательно и с любопытством разглядывала путников, не испытывая ни малейшего страха.

Но каким-то чудесным образом Леш в то же мгновение оказывался рядом, велел немедленно опустить ружьё – мол, ещё не время, никуда от тебя добыча не денется, и вообще здесь не надо шуметь, опасно. А почему опасно и не надо шуметь, не объяснял.

– Подожди уже, дай отдышаться! – негодуя крикнул Иван в спину удаляющемуся спутнику, злясь на себя за нерасторопность.

«Вон леший невелик ростом, а какой шустрый в ходьбе и не валится, во мху по щиколотку, а словно плывёт над ним», – думал охотник, нагоняя спутника.

Лишь поравнявшись с лешим, Иван понял, как был неправ: капельки пота испариной покрывали его лоб и виски, соскальзывая по кудрявой шевелюре на плечи и грудь, оставляя на майке грязные потёки.

А за напускной весёлостью угадывалась усталость. А то, что Леш не валится во мху, так может себе позволить, он же волшебное существо. И тут же Иван осёкся, вспомнив, что говорил ему спутник о волшебстве: что его нет и никогда не было, что всему есть объяснение, – так и не объяснив, в чём заключается это объяснение. «Волшебство», – подумал охотник, подведя итог своим умозаключениям.

– Ты же говорил, что они в долине, ниже слияния рек, – переводя дыхание, сказал Иван, – а мы уходим от реки в сторону скал. Не быстрее было бы идти вниз по течению реки? – Сбросив рюкзак, охотник порылся в нём, достал флягу и, откупорив, протянул её спутнику.

Отхлебнув щедрый глоток и прищурившись от удовольствия, Леш по-отцовски вкладчиво и спокойно произнёс:

– Понимаешь, Ваня, самый короткий путь не всегда самый быстрый, да и не одни мы здесь. Зачем бы я тогда не давал тебе стрелять? Только по этой причине – не нужно сейчас лишний раз шуметь. Вот и приходится обходить нежелательную встречу, карабкаясь по этим косогорам.

Ваня, ведь люди уже существуют. Правда, они отличаются от тебя. Нет, у них тоже две руки и две ноги, и если их отмыть и расчесать, разницы почти не будет. Другим они отличаются. Диковаты они ещё. Хотя как знать: может, всем было бы лучше, если бы вы такими и остались, – смотря в глаза Ивана, пытавшегося переварить услышанное, уголками глаз улыбнулся леший. – Часть племени откочевало сюда поохотиться, а постоянно живут они на реке каменной. Вот их-то мы и обходим.

Большое племя. У них там что-то вроде селения, крыша над головой имеется, и есть где укрыться от непогоды. Да и с огнём они ловко управляют, и ещё много всякого умеют, чему и не грех у них поучиться. – Леший улыбался во весь рот, глядя на озадаченное лицо Ивана, глаза которого вот-вот и вылезли бы из орбит. – Нарвёмся на них – несдобровать будет. Эти при встрече не утомят расспросами – мол, что да как? У них разговор короткий с любым чужаком. Ты же не хочешь, чтобы твоя голова, насаженная на кол, украшала их стоянку?

Иван, судорожно глотнув, энергично мотал головой из стороны в сторону. Перспектива украшать своей головой стойбище дикарей, пусть даже на самом почётном месте, совсем ему не понравилась.

После недолгого раздумья Иван всё же ответил, обращаясь непонятно к кому – к себе или к лешему:

– Хоть бы одним глазком взглянуть на них, ведь интересно.

– Ничего интересного там нет. Впрочем, как знать, возможно и пересечёмся, – уже на ходу бросил леший, давая понять, что привал окончен и пора в путь.

Набросив рюкзак на плечи, охотник догнал спутника, который тут же продолжил рассказ:

– Это племя – больше рыбаки. Но, сам понимаешь, одной рыбалкой не проживёшь; нужны шкуры, мясо, кости, рога, в общем, то, что можно добыть только охотой, вот и делают они вылазки пару раз в год.

Вверх до стоянки идут на лодках, тропа у них набита по берегу лесной реки. Каждый год стоят в одном месте, там у них и припасы кое-какие имеются, чтобы с собой много не брать, и рассолы здесь недалеко. Вымочат добычу, потом завялят или над костром подкоптят – долго потом хранится.

А как заготовят припасов, вяжут плоты – в лодках много не увезёшь – и айда вниз до реки каменной, а там они у себя дома.

Охотятся они, Вань, не только на зверей, и на людей тоже. Если укараулят кого из другого племени или мало ли кого ещё сюда занесло, сразу не тронут: до стоянки проводят, чтобы место узнать, а потом ночью и нападут. Мужчин кого вырежут, а кого связанными с собой приведут. Потом всё равно убьют, принеся в жертву своим богам, а головы на кол насадят, вроде оберегов. Тела же либо в реке утопят, либо в костре сожгут, смотря какому идолу жертвовать будут. Тут уж как шаманка распорядится.

Охотник удивлённо посмотрел на товарища.

– Да-да, не удивляйся, такие здесь обычаи.

В этих местах ещё одна община обитает, кочует по ручьям да притокам, что впадают в лесную реку. Эти – чистые охотники, лодок не строят, хотя рыбкой тоже промышляют. В общем, дети леса.

Небольшое племя; мор у них был недавно, многих выкосил. Враждуют они между собой. Также за головами не прочь поохотиться, если удастся застать врасплох, да и добычей разжиться.

Вот и делают набеги друг на друга. Головы не главное, это так, вроде тотема для племени. Главная ценность – женщины и дети. Дикари, а понимают, что общину свежей кровью молодить надо. Вот на них-то и охотятся, увозя с собой.

А тем куда деваться? И становятся они частью племени, так сказать обретают новую семью. А бегать не бегают. Места тут дремучие, зверья много всякого – далеко не убежишь, быстро кому-нибудь в пасть пожуешь. Вот они и не бегут никуда.

В каждой из этих общин, наверно, добрая треть из пришлых или уже родились там.

Да и охотятся они друг на друга не из мести или там чего ещё, а по привычке – вроде так положено. Пошли на охоту или к реке – без голов да пленников возвращаться вроде не к лицу: чем ещё докажешь, что ты смелый охотник или бесстрашный воин? Больше нечем, – разведя руками, произнёс Леш. – Вот так и живут, Ваня.

– Да, весёленькая жизнь у них получается, – согласился охотник. – Как ещё наших потешек-то не обнаружили?

– Будь спокоен, непременно обнаружат, дай только срок, – проговорил Леш, – если мы с тобой не поспешим.

Лишь к вечеру, утомлённые переходом, добрались они до каменной гряды, из-под которой голубой змейкой, петляя между камней и подныривая под них, бил ключ. Там, где заканчивалась каменная осыпь, он исчезал в лесной чаще.

Дальше деревьям хода не было. Только кусты шиповника да лоскутья мха смогли кое-как укорениться на выбеленных солнцем скалах, дугой опоясывающих небольшую долину среди горбатых холмов.

Когда-то верхняя часть скалы, порванная замёрзшей водой в лютые морозы, отвалилась и с грохотом покатила вниз, сметая всё на своём пути, оставляя после себя взрытую колею с вдавленными в неё, расщеплёнными в щепки деревьями. Укатилась недалеко, навсегда замерев каменным горбом в гуще леса.

На том месте, откуда она откололась, выступом образовалась небольшая площадка. Она не была голой. Стайка чахлах сосен да ковёр мха облюбовали её, ухватившись корнями за трещины.

Снизу к площадке шла расщелина, сначала узкая, потом становившаяся всё шире, по которой к ней можно было вскарабкаться.

– Вон там и заночуем, – утвердительно проговорил леший. – А завтра уже до места дойдём.

Иван, сбросив рюкзак, быстро разделся и, отфыркиваясь, залез в ледяную, обжигающую воду ключа, смывая с себя разъедающий кожу солёный пот да усталость дневного перехода.

Леший, глядя на раскрасневшегося от холодной воды охотника, без злобы прикрикнул на него:

– Уймись ты уже, наконец! Смотри, простудишься.

Иван, сдавленно хрюкнув, рысью бросился к одежде, брошенной поверх рюкзака. Взяв в руки рубаху, он скрутил её и, как полотенцем, принялся растирать разгорячённое тело.

Леший, несмотря на уговоры и протесты Ивана, костёр разводить запретил:

– Не время ещё.

– Не время так не время. Чем питаться-то будем? Глухарей стрелять не дал, костра жечь не даёшь, а? – канючил охотник.

По пути Иван несколько раз вскидывал ружьё по глухарям, коих было в избытке, на рябчиков не разменивался: патрон сожжёшь, а поесть только на один раз, и то на двоих не хватит. Леший же, будто имея глаза на затылке, был тут как тут: «Тише ты, тише».

Правда, после он объяснил причину своей осторожности. Но вопрос еды сильно беспокоил охотника: хлеба у него осталось немного, а ведь ещё девчонок надо было чем-то покормить. Оголодали, наверное.

– Хлебцем с сахаром перекуси да водичкой запей, только экономно, – миролюбиво напутствовал лесной гость.

– Сам поди понимаю, что экономно надо, – не унимался Иван, впрочем не имея на спутника никакой обиды.

Ночь была по-летнему тёплой, а небо – звёздным. Иван лежал на спине, подсунув руки под голову. Рядом, свернувшись клубком и прижавшись к боку охотника, тихо посапывал леший.

Ивану же не спалось. Он вглядывался в кишачье звёздами, такое для него знакомое и бесконечно чужое небо, размышляя о том, сколько всего нового ему посчастливилось увидеть, да что увидеть – прикоснуться.

Учёные люди, наверное, много бы отдали за то, чтобы оказаться на его месте – в такой глуши, у самой зари времён. Палеонтологи по крупичкам собирают скудную информацию, додумывая, как всё было устроено. А он, простой работяга, бульдозерист, просто так оказался здесь, в этом мире, прошмыгнув мимо пещерного медведя. Пещерного!

Мысли становились вязкими, теряя яркость красок и чёткость линий, а веки – тяжёлыми. «Нет, подожди». И уже за закрытыми веками эфемерным видением возник цветок.

Он дрожал мелкой дрожью, словно озябнув на ветру; молил согреть его теплом своих рук, жарким дыханием, сберечь его хрупкую красоту.

«А может, это последний цветок в своём роде и он больше не возродится следующей весной? Уже больше некогда не возродится. Может, я последний, кто видел его? Хорошо бы увидеть его снова, хоть одним глазком. Хорошо».

Погружаясь в сон, он успел ухватить ещё одну мысль, последнюю за этот день: «Всё же как мне повезло повстречать лешего и оказаться здесь. А повезло ли?» Незаконченная мысль исчезла, утонув в бездне сознания. Иван погрузился в темноту забытья без сновидений.

Глава пятая. Тень предков

– Тсс!

Иван сквозь сон услышал это тревожное «тсс» и одновременно с этим звуком почувствовал, как кто-то навалился на грудь, слегка прижав его к земле, а шершавая ладонь плотно, но не больно прикрыла рот охотника.

Иван в то же мгновение перехватил чужое запястье, пытаясь вывернуться. Разлепив заспанные глаза, он увидел, как над ним возвышается, что-то косматое и бесформенное. Он моргнул ещё раз, стяхнув пелену сна; мутные очертания обрели форму. «Тьфу ты, леший, умеешь ласково разбудить», – подумал охотник.

Освободив Ивана от объятий, он приложил крючковатый палец к губам и ещё раз тихо выдохнул:

– Тсс.

Охотник кивнул головой, дав понять, что окончательно проснулся.

Леший, перестав шипеть, пополз к обрыву и, не поднимая головы, тихо позвал:

– Ваня, давай сюда.

Через мгновение Иван лежал рядом, вопросительно смотря в глаза спутнику.

Леший, подавшись к нему так близко, что щекотнул бороною ухо, тихо сказал:

– Ты хотел хоть одним глазком увидеть, ну что же, полюбуйся: вот они. Только не высовывайся: заметят, тогда пощады не жди.

Иван осторожно раздвинул мох, шаря вокруг взглядом в серости предрассветных сумерек, не в силах что-то разглядеть.

Уже было не так и темно, но солнце ещё не встало над горизонтом, а лишь позолотило его. Оттого ночные тени сделались длиннее, надёжно укрывая всё собой, а хлопья тумана, клубившиеся тут и там, только способствовали этому. Иван озадаченно посмотрел на спутника.

Тот движением головы кивнул в сторону ключа, тихо журчавшего среди зарослей осоки, как раз в то место, где с вечера купался охотник.

Иван, прислушавшись, сначала различил звук, перекрывавший журчание, и только потом разглядел тёмную массу, отделившуюся от ночной тени и оттого ставшую различимой.

По колено в воде стоял огромный лось, какого охотнику ещё видеть не доводилось. Наклоняясь к воде, он с хрустом драл сочную траву, громко чавкая от удовольствия.

Поведя головой вбок и выгнув шею, он массивными рогами, в которых Иван насчитал восемнадцать отростков, почесал круп. Мышцы его тугими канатами играли под толстой шкурой.

Жуя, он энергично шевелил верхней губой, разбрызгивая по сторонам капли зелёного сока, покачивая серьгой в такт движения мощных челюстей.

Вдруг лось замер, перестав жевать. Не поворачивая головы, он повёл ушами назад, прислушиваясь, – видно, что-то почуял. Затем повернул голову, с силой потянул воздух ноздрями, ещё раз и, как бы выкашлянув его из себя, развернулся, насторожившись, но жевать не перестал.

Леший, задев плечо Ивана, пальцем указал в сторону просеки, оставшейся от когда-то прокатившегося здесь обломка скалы.

Уже достаточно посветлело. Красный диск солнца краем показался над горизонтом, вмиг укоротив тени, осветил собою всё вокруг.

Среди расщеплённых стволов деревьев, торчащих острыми обломками, распластавшись на земле и извиваясь, бесшумно ползли существа, похожие на гигантских ящериц, не меньше

десятка. Озадаченный Иван повернулся к лешему, тот лишь кивнул вперёд подбородком – мол, смотри и всё поймёшь сам.

Тем временем солнце поднялось выше, осветив ярким светом долину горного ключа. Ночные тени, поблекнув, исчезли совсем. А народившийся было туман, не успев спрятаться в тени горных лощин, превратился в росу, обильно смочив собой всё вокруг.

Бусинки воды, дрожа мелкой дрожью на острых концах осоки и прочей травы, самоцветами искрились в преломившихся солнечных лучах, заливая всё вокруг миллионом разноцветных, словно из калейдоскопа, ярких солнечных зайчиков, от всполохов которых рябило в глазах.

Тем не менее Иван сумел разглядеть ползущих существ. Точнее, сначала он догадался, а уж потом разглядел.

Это были первобытные охотники, люди с каменной реки. В ладно сидящей одежде, скроенной и сшитой из выделанных звериных шкур. Руки, лицо и другие открытые части тела были чем-то вымазаны. «Оттого я их сразу и не заметил», – подумал Иван.

Волнение охватило охотника, но тут же отпустило. Уже порядком привыкнув к быстрой смене событий и своей роли в них, он с интересом наблюдал за происходящим.

Несмотря на то что они двигались, точнее ползли, совершенно бесшумно, как ему показалось, сохатый их всё же слышал. Он, снова перестав жевать, настороженно вслушивался в доносившиеся до него шорохи, затем громко вдохнул и, резко фыркнув, продолжил завтрак, но уже насторожившись, чтобы при малейшей опасности сорваться и уже через мгновение исчезнуть в лесной чаще.

Он слышал возню этих мелких существ и их запах, такой сумбурный, наложенный один на другой: рыбы, пота, прелых шкур и дыма огня. Нет, не этот букет ароматов внушил ему тревогу, поселив в сердце чувство опасности, а лишь один запах из всех – запах огня.

Вздвигив шерсть на загривке, он с шумом втягивал воздух ноздрями, пытаясь уловить запах гари от надвигающегося лесного пожара.

Нет, поблизости пожара не было, теперь он знал это точно. Гарью пахло от существ, которых он случайно встретил, спустившись в эту долину полакомиться сочной травой.

Настоящие противники, медведи и волки, пахнут по-другому – хищной злобой и смертью, а этих он встретил впервые. Извиваясь ящерицами среди нагромождения камней и деревьев, они прятали от него свои тщедушные, худые тела.

Он ощутил страх, исходящий от существ; они боялись его, и это окончательно успокоило лося. Теперь он без опаски, а с нескрываемым любопытством поглядывал на них сверху вниз.

Дожив до зрелости, он привык к своей мощи, к тому, что, завидя его, соперники-лоси без боя уступали. Да и не всякий медведь смел перейти ему дорогу, а тот, который решался на это, тоже скоро уходил ни с чем. Лось, широко расставив передние ноги, опускал голову к земле, закрываясь от противника огромными рогами, и сколько ни крутился медведь вокруг, лось поворачивался вслед, ни на мгновение не выпуская противника из вида, готовый немедленно в случае атаки взбрыкнуть, приподнявшись на задних ногах, всю силу вложив в удар передних ног, и острыми копытами с хрустом размозжить на кусочки череп медведя, а после затоптать, смешав с грязью уже бездыханную тушу. Косолапый, чувствуя свирепое спокойствие, исходившее от лесного гиганта, спешил ретироваться, предпочитая смерти более доступную добычу.

Тем временем охотники сумели подкрасться к лосю и полукругом окружить его, ожидая команды к атаке. Они были увлечены охотой на лесного великана.

Нет, не запах страха почувствовал в них лось, он ошибся. Запах отчаянной смелости, граничащий с безрассудством, источали их сжатые в пружину тела и струной натянутые нервы. Ещё бы, ведь эта добыча равнялась добыче трёх лосей обычного размера. А в случае неудачи конец один – смерть.

Но если повезёт и сегодня удача будет на их стороне... Ох, это сладкое предвкушение удачи, скольким оно вскружило голову в попытке ухватить её за хвост. Сладкое, когда пробуешь, вот только послевкусие отдаёт горечью. И если собрать их всех вместе, то те, кому довелось вкусить фарта, были бы, наверное, один к десяти из тех, кому не повезло.

Яростный, во всё горло клич потряс округу.

Иван невольно вздрогнул, ожидая какого-то сигнала, но не этого дикого вопля. Страх и отчаянная решимость слились в нём воедино. Вздрогнул и лось, не веря своим глазам и ушам.

На него, кому и медведи не соперники, неслись существа, до сего невиданные. Их хлипкие безволосые тела прикрывали звериные шкуры, но на зверей они не походили. Они не походили ни на одно существо, которое доводилось встречать лосю.

Ошалев от такой неслыханной наглости, он, прижав уши к затылку и взъерошив на загривке шерсть, высоко задрал голову кверху, собираясь растоптать копытами, разорвать на клочки рогами этих существ, посмевших бросить ему вызов.

Но что-то больно кольнуло его в широкую грудь, стало трудно дышать. Это острые стрелы пробили его горло.

Взревев от боли, сохатый бросился вперёд, одним прыжком покрыв расстояние в десяток метров, отделявших его до ближайшего противника, сильным ударом копыта разорвав его пополам.

Мотнув головой в сторону, он насадил на отростки рогов второго, не ощутив веса бьющегося в конвульсиях тела.

Лишь кровь из пронзённого лёгкого, хлюпая пузырями, алыми струями стекала по рогам, капая ему на морду, заливая глаза.

В свирепой ярости он настиг третьего нападавшего.

Убегая от разъярённого зверя, существо, оборачиваясь, испуганно выло, лязгало зубами, словно от жуткого страха, до дна наполнившего сердце охотника. Затем, развернувшись и выпрямившись во весь рост, оно бросилось вперёд, навстречу смерти, навалившись всем телом на древко копья, глубоко воткнув его в неприкрытую грудь.

На мгновение их взгляды пересеклись, и лось с удивлением понял, что в глазах существа не было страха, только дикая смелость с примешанной к ней до состояния гремучей смеси свирепостью.

Он понял, что ошибался, и надо было сразу бежать, не разбирая дороги, подальше отсюда, и что в следующий раз, как только почувствует запах двуногого, он непременно так и поступит. В следующий раз.

Лось раздавил его, навалившись всей тушей, ещё глубже вгоняя в свою грудь деревянное копьё с костяным наконечником.

В глазах потемнело, струи крови били фонтаном из израненного тела, бурыми сгустками стекая по шерсти на смятую траву и комья сырой земли, выбитой копытами.

Сохатый, захрипев, упал на передние колени, затем повалился набок.

Двуногие существа убили его, воткнув копьё в грудь и бока, пробив могучее звериное сердце.

Судорога пробежала по телу, мышцы гиганта дрогнули в последний раз. Ещё мгновение, и всё кончено. Он так и не узнал, что существо, убившее его, зовётся человеком.

Желанный трофей лежал поверженным в луже крови у ног охотников.

Тяжело дыша, ещё не отойдя от горячки прошедшего боя, те, что остались в живых, издали победный клич, вскинув к небу зажатые в руке копыта. Затем, воткнув их в землю, затянули песню, похожую на вой волков и причитания женщин, скорбя по погибшим, отдавая долг памяти их смелости и мужеству.

Потрясённый увиденным, Иван отполз от края. Повернувшись на спину, он пустым взглядом смотрел в безмятежно голубое небо с плывущими по нему редкими пузатыми облаками, такое далёкое и безучастное ко всему происходящему под его сенью.

– Ну как? – спросил охотника леший. Это «ну как» прозвучало одновременно как вопрос и как утверждение, а может и усмешка – мол, увидел чего хотел, теперь доволен?

Иван обернулся к спутнику, внимательно посмотрев в глаза.

И если за маской можно умело скрыть эмоции и страсти, которые пожирают тебя в этот момент, то одного взгляда в глаза достаточно, чтобы отделить искренность от фальши, ведь глаза никогда не врут. Леш был серьёзен, а кожа лица, та его часть, что не была покрыта бородой, от природы смуглая, была бледна.

– Сколько раз видел такое, а никак не могу привыкнуть, уж больно суровое зрелище, – шёпотом произнёс леший.

– Они не дикари, не дикари, – словно оправдываясь, ответил Иван. – Они дети своей эпохи. И здесь, в этом суровом мире, скорее всего иначе нельзя, просто не выживешь. Вот они и живут как могут. Это я здесь дикарём выгляжу по сравнению с ними.

Леший вопросительно посмотрел на охотника.

– А ведь я их не сразу и заметил. Как ловко они смогли подобраться к лосю, да и сложены великолепно, и движения их быстры. Они точно знали, как себя вести против сохатого, и понимали, что не все вернутся домой. И всё же пошли вперёд.

Леший улыбнулся:

– Ты всё верно понял. И как знать, может, и у тебя получится обрести их мудрость. Сейчас они разделявают лося, – утвердительно проговорил Леш так, как будто наблюдал за действием, а не лежал на спине рядом с Иваном, нежась в ласковых солнечных лучах. – Сейчас нам отсюда никак нельзя спускаться – заметят. Дождёмся, когда они уйдут.

Иван кивнул.

– Как управятся, притопят мясо в ключе, чтобы не пропало, а уж после понесут погибших охотников в становище. И уже там, когда доберутся, они расскажут соплеменникам о славной охоте. Затем почтут доблестных охотников, так рано покинувших мир живых, принеся в дар лесным богам жертву, и похоронят, оплакав невосполнимую утрату.

– А кто будет жертвой? – с нескрываемым любопытством спросил Иван.

– Он и будет, – имея в виду лося, кивнул леший. – Голову его, разрисовав, насадят на кол, украсив рога кожаными ремешками и берестяными амулетами. Кол воткнут напротив идолов, а варёным мясом помянут жертву в знак примирения. Дескать, и мы потеряли на этой охоте; кровь за кровь, такова цена жизни в этом мире.

Лесные боги забрали охотников, обменяв их на огромного лося. И погибли они в честной схватке, люди и сохатый, и отныне их души неразделимы. С этого момента они присоединятся к племени всех охотников, так же когда-то почивших в схватках с лютым зверем.

И теперь они вместе будут путешествовать по ночному небу: лесной гигант лось, между рогов которого жёлтым диском светится луна, и славные охотники, гордо восседающие на его горбатой спине.

А рядом с ними – накопленные в веках грозные шерстистые носороги, мамонты, огромные пещерные львы, свирепые медведи и отважное племя охотников, застывшее в вечности от самой зари времён.

Они смотрят вниз, улыбаются, машут руками, приветствуя своих соплеменников, а послушные звери кивают головами им в такт, ведь отныне и навсегда у них теперь одна судьба – вместе путешествовать по небу.

– Пора, – леший легонько подтолкнул Ивана.

Охотник, приподнявшись на локте, посмотрел одним глазом на спутника, пытаясь сообразить: это ему всё приснилось или леший на ухо нашептал?

На всякий случай, осторожно выглянув с обрыва и никого не обнаружив там, они поспешно спустились со скалы и быстро зашагали прочь.

– Подожди, я сейчас. – Иван бросился к ручью, на ходу вытаскивая нож. Через пару минут он вернулся обратно, держа в руке кусок лосятины. – Я немного, никто не заметит, – отвечая на вопросительный взгляд попутчика, скороговоркой выпалил охотник.

Леш улыбнулся уголками глаз, вслух же пробурчал в бороду что-то, чего Иван не разобрал. «Не сердится», – подумал он, на ходу убирая трофей в рюкзак.

Глава шестая. По грани

– Помнишь уговор? Обо мне они знать не должны, для них я буду невидим.

Иван утвердительно кивнул.

Лёжа на небольшом бугре, густо поросшем брусничником, они озирались вокруг.

Этот бугор был, пожалуй, единственной возвышенностью, с которой можно было осмотреться.

После слияния лесная река, вынырнув из теснин холмов и скал, несла свои воды по огромной заболоченной долине с торчащими то тут, то там островками леса и кустарника, по форме напоминающей глубокую, вытянутую котловину. Одна сторона которой крутым, вздыбленным яром стремилась вверх, резко оканчивалась тонкой, будто эфемерной линией, за которой начинался бесконечно голубой небосвод.

Сосновые боры на её щеке перемежались со скальными осыпями, по которым вдруг, ни с того ни с сего, сами по себе начинали течь вниз мелкий щебень и песок.

Сначала еле заметной тоненькой струйкой, подхватывая по дороге камни, он волной сползал по крутому склону.

И вот, уже набрав силу, всё быстрее и быстрее с нарастающим грохотом оползень нёсся вниз, чтобы резко остановиться, врезавшись на всём скаку в стену каменного навала, подпёртого снизу зарослями кривой чахлой берёзы, ивы и ольхи. И лишь отдельные камни, сорвавшиеся с отвала, будто с трамплина, кувыркаясь в воздухе, летели дальше, чтобы приземлиться ниже по склону, сбивая с деревьев ветки и кору. А ветер, подхвативший эхо, ещё долго катал его по долине, словно глухой рык, kloкочущий в горле зверя.

Другой берег котловины был пологим, укрытым сочной, яркой зеленью лиственных деревьев; он лениво стремился к горизонту и исчезал, незаметно перетекая за его край. Лишь на самой его кромке, на фоне неба, хорошо были различимы два высоких холма, подёрнутых лёгкой дымкой облаков, вершины которых украшали каменные останцы.

В нескольких местах Иван заметил тёмные волнистые линии – притоки, догадался он.

Глубокими распадками логов и оврагов прорезали они долину от самого горизонта и до её основания, подпитывая кристально чистыми водами горных ручьёв, коих было в избытке.

Река же, будто испуганный заяц, металась туда-сюда и снова обратно, закладывая замысловатые петли и образуя старицы, насколько хватало взгляда. Дальше она терялась в дымке испарений, сливаясь в единое целое с горизонтом.

Леш, легонько толкнув охотника вбок, пальцем указывал куда-то вправо. Прищурившись, Иван всматривался в том направлении, пытаясь разглядеть то, на что указывал спутник.

«Глазастый, ведь далеко, а разглядел», – с уважением подумал Иван о лешем.

Сам-то он, скорее, догадался, на что указывал спутник: там находилась стоянка его новых знакомых, с которыми он теперь не искал встречи.

Река, сделав очередную петлю, глубоко врезалась в берег галечным пляжем, на котором, тесно прижавшись друг к другу бортами, покачивался на волне с десятков лодок. Дальше, за пляжем, начинался крутой короткий подъём, на макушке которого был большой открытый участок, окружённый с трёх сторон лесом.

«Лучшего места для лагеря и не пожелаешь, – подумал Иван. – Тут тебе и поляна, и дрова рядом, и хоть недалеко, но всё же в стороне от болотной сырости». Он с трудом сквозь туман болотных испарений смог разглядеть несколько строений, формой похожих на чумы, а из чего они были сделаны, отсюда не разобрать. «Скорей всего, из бересты», – подумал он.

Струйки дыма костров, завиваясь в петли, летели вверх, чтобы тут же раствориться в тумане; даже лай собак сюда не долетал, увязнув во влажном мареве.

Иван поёжился; эта долина, окружённая со всех сторон возвышенностями, будто аккумулялировала в себе влагу.

Он поднял голову к небу. Где-то там проносились облака и светило солнце, но облаков он не видел, а на том месте, где должно было быть солнце, было просто яркое пятно, окружённое ореолом цветов радуги. Плотный туман, поднявшись вверх, накрыл собой всё вокруг.

«И немудрено, что здесь так сыро», – подумал Иван. Дело даже не в реке. Влага, накопленная лесом, стекает, накапливаясь в низких местах, а тут вся долина – низкое место.

«Теперь понятно, откуда взялись кости шерстистого носорога», – памятуя о недавней находке в здешних местах, подумал он. Он шарил взглядом, пытаясь угадать предполагаемое место трагедии. Интересно, он уже провалился в болото или ему ещё только предстоит это сделать?

«А может быть, его аборигены туда загнали?» Иван уже ни в чём не был уверен.

Ход мыслей прервал морозящий дождь, так некстати начавшийся; впрочем, здесь по-другому и быть не могло.

– И где же они? – спросил охотник, обратившись к лешему.

– Были вон на том островке, – вытянув голову вперёд, подбородком указал Леш. Но как-то неуверенно, как показалось охотнику.

– То есть как были? А теперь где, куда делись? – Иван буравил взглядом по островкам в надежде что-то разглядеть.

– Подожди здесь, я сейчас, – сказал леший и тут же испарился в воздухе, да так быстро, что Иван только и успел, что открыть рот.

Но делать было нечего; завалившись на спину, охотник принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут, схлопнув воздух, леший появился вновь, со взъерошенной шевелюрой, запыхавшийся, как будто от долгого бега.

– Худо, Ваня, худо. Они нашли их; как сердцем чувствовал, что не успеем. Я до стоянки сгонял. Одну, что приболела, в чуме держат, женщины за ней ухаживают – лечат, значит. И она идёт на поправку, ещё день-два, и хворь совсем сойдёт с неё. Слабая только она после болезни, отлежаться бы да отъестся.

Знают они толк в лечении: какую травку заварить да какой корешок высушенным растереть да подать. И шаманка у них толковая, много полезных заговоров знает.

Иван, не сводя внимательного взгляда с лешего, спросил:

– Зачем она им? Когда вылечат – убьют, а голову – на кол?

– Ну что ты, зачем сразу голову на кол, разве они дикари какие-то? Нет, забрали из любопытства, она же другая, вроде как в диковинку, таких они ещё не встречали. Вон и пластиковое ведёрко прихватили, там не бросили, – размеренно объяснил Леш. – Да и пропала бы она, а тут, глядишь, подлечат. А что с ней дальше будет, не знаю, да и они так далеко вперёд ещё не думали.

– А где вторая? Ты же сказал, что там одна; где вторая? – с напором спросил охотник.

– Второй, Ваня, в лагере точно нет, я бы её почувствовал.

– Может, отошла от сестры, за водой ходила или чего съестного найти, – не унимался охотник.

– Если её в лагере нет, значит, она жива и где-то спряталась, – проговорил леший.

– Сначала найдём её, а потом и сестрёнку со стоянки вытащим как-нибудь, – не унимался охотник. – И айда домой, только нас и видели.

Было видно, что запальчивая речь Ивана пришлась по нраву лешему; улыбнувшись щёлочками прищуренных глаз, он одобрительно кивнул головой:

– Верно, Ваня, говоришь, здесь их бросать нельзя, обязательно надо вызволить. Не место им здесь, пропадут. Что же, пойдём искать. – Леший соскользнул с бугра и, не дожидаясь,

ясь ответа, зашагал в сторону ближайшего островка деревьев, разбрызгивая воду из-под заячьих лап.

Иван, соскользнув следом, бегом догнал Леша:

– Давай начнём с ближайшего.

– Давай. Ты пешком обходи, а я облечу, так быстрее будет. И не забывай: они обо мне знать не должны, – вновь напомнил леший и, схлопнув воздух, исчез.

Искали недолго. Иван обходил второй сколок леса, стараясь заглянуть куда только можно, не пропуская ни одной лощины, даже если она была заполнена водой. Всякие мысли роились в его голове, в том числе и нехорошие. «А что, если она погибла или убили, вот и не забрали с собой в лагерь? Тогда хоть похоронить по-человечески», – думал он.

Но никого хоронить не пришлось, а тревожные мысли только мыслями и остались. Тихий свист заставил его замереть, прислушиваясь, не показалось ли ему. Свист раздался ещё раз, и ещё.

Иван, пренебрегая осторожностью, галопом устремился на зов, нисколько не сомневаясь в том, что это зов лешего и никакой опасности быть не может – уж тот позаботился об этом.

Через небольшой открытый участок, больше похожий на неглубокую большую лужу с торчащими из воды болотными кочками и сочными кустами осоки, находился островок деревьев, чуть возвышающийся над окружающим ландшафтом. В середине – несколько кривых сосен в окружении густого шиповника, а по краям – заросли ивы и ольхи.

Подбежав ближе, Иван перешёл на шаг, затем остановился совсем, шаря взглядом по посеревшему в наступающих сумерках унылому пейзажу. Почувствовав колебания воздуха у самого уха, охотник от неожиданности вздрогнул.

– Тьфу ты! Никак не могу привыкнуть к тому, как ты умеешь появляться, – скороговоркой выдохнул он.

Леш, не обращая никакого внимания на то, что своим внезапным появлением напугал напарника, зависнув в воздухе на уровне плеча, громко зашептал на самое ухо:

– Тут она, нашёл. – Он перевел дыхание. – Жива-здоровая, – продолжал леший, – правда, выглядит так себе. – Иван вопросительно посмотрел на спутника. – Ну, напугана очень.

Да, и она видела местных – когда они её сестру обнаружили, случайно наткнулись. Ладно, ей хватило ума не высовываться, а то бы и её с собой прихватили. В общем, в голове у неё полная сумятица, не понимает, что происходит и где находится. Да что я объясняю, сам увидишь, – подытожил леший.

– Веди, – только и сумел ответить разволнованный охотник.

Мысленно он не раз представлял себе эту встречу, проигрывая её в разных вариантах, тщательно подбирая слова, которыми объяснит своё появление, вроде случайное, но произошедшее так кстати. От неудобных вопросов отшутится или сделает вид, что не расслышал.

Как он появится перед ними? Теперь это уже не имело значения. Ведь способ, каким явил себя леший, тут не годится. А фразы «Эй, девчонки, привет! А что вы здесь делаете? А, погулять решили; что-то далеко собрались – аж на десять тысяч или около того лет назад», согласитесь, звучат несколько по-идиотски. Теперь те дежурные выражения, которые он заготовил и попридержал по случаю, уже никуда не годились.

«Я думаю, она уже обо всём догадалась или догадывается. Неизвестно, что ещё они видели по пути сюда. Пропажа сестры, появление местных так некстати – тут и с ума недолго сойти». Да, ему стало искренне жаль девчонок, попавших в такую передрыгу. «Но делать нечего, надо как-то выручать», – подумал охотник.

По правде сказать, как он будет их выручать, Иван ещё не решил. «Что-нибудь придумаем», – решил он, нисколько не сомневаясь в способностях Леша и своих. Шлёпая сапогами по заболоченной пойме реки, Иван скоро добрался до небольшой сухой возвышенности – островка, густо заросшего ивой, ольхой и чахлой, словно источённой болезнью берёзой.

– Там она, – услышал он шёпот спутника в самое ухо. Очевидно, леший в этот момент махнул рукой, указывая направление, но охотник не мог видеть этого жеста, как и самого лешего.

Протискиваясь сквозь густые заросли шиповника, он вдруг сообразил, что своим внезапным появлением ещё сильнее напугает девушку, и не придумал ничего лучше, как тихо позвать: «Ау».

После недолгой паузы он позвал снова. В том, что она его услышала, охотник не сомневался. «Сильно напугана, соображает, стоит ли отвечать или лучше затаиться», – подумал он.

И лишь после третьего «ау» он услышал в ответ очень тихое:

– Я здесь.

Голос её, несмотря на туман и гудение болотного гнуса, прозвучал звонко и отчетливо.

«Какой приятный голос, – подумал Иван, – словно чистый родник журчит по отполированной до блеска гальке». И он совсем не походил на голос до смерти перепуганного человека, что немало порадовало Ивана. Словно сохатый, ринулся он вперёд, с треском, не разбирая дороги.

В самой гуще кустарников на сосновой валежине сидела худенькая девушка небольшого роста, в смешной шапочке с кошачьими ушами на голове. «Лет шестнадцати или восемнадцати, не больше, – подумал Иван. – Совсем молоденькая, и уже в такую передрагу угодила. Правильно говорил леший, не заслужили они этого», – подумал он, и стало ему от этих мыслей нестерпимо жаль сестёр.

При его приближении она проворно соскочила с упавшего дерева и подалась к нему.

– А я уже и не думала, что встречу кого-то. У меня сестру забрали люди, очень похожие на индейцев из кино; она заболела. Вы знаете, где мы находимся? Я много незнакомого увидела; мне кажется, это не то место или время.

Она тянулась на цыпочках, заглядывая в глаза Ивана, словно именно там были ответы на нескончаемый поток вопросов, на которые он и сам с трудом находил ответы.

– Привет. Как тебя зовут? – спросил он, стараясь придать интонации голоса обыденное звучание – вроде это беседа старых знакомых в очень уютном месте.

– Настя. Привет, – проговорила она, конфузясь. – Извините, что я не поздоровалась.

«Молодец девчуля», – отметил Иван про себя. Она ему определённо нравилась. И дело не в том, что она девушка, и даже не в том, что весьма симпатичная, а в том, как она держится. По её манере разговаривать можно было сделать вывод, что в обычной жизни она бойкая, весёлая девушка, знающая себе цену.

– Иван, – выпалил в ответ охотник, подавая ей руку. – Давай присядем и ты мне расскажешь о своих приключениях. – Он обнял её за плечи и усадил обратно на валежину, с которой она недавно вскочила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.